

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2713-3133-2025-3-29-38

Сюжет о Параше Лупаловой в русской беллетристике XIX века

Надежда Николаевна Пуряева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

nadia_np@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9323-6850>

Аннотация

За сто с небольшим лет (с начала XIX до начала XX в.) история Парашы Лупаловой получила не менее пятнадцати художественных воплощений в разных видах искусства. Наша гипотеза заключается в том, что на основе реальной истории Парашы Лупаловой сформировался устойчивый «парашин сюжет», который воспроизводился в русской беллетристике XIX – начала XX в.

Первыми к сюжету обратились французские авторы – Софи Коттен в романе «Елизавета, или Сосланные в Сибирь» (1806) и Ксавье де Местр в повести «Молодая Сибирячка» (1825). Развитие «отечественной» ветви «парашиного сюжета» началось заметно позже, с пьесы Н. А. Полевого «Параша Сибирячка» (1840). Примерно в 1870–1890-е гг. появилось по крайней мере четыре анонимных лубочных повести о Параше Лупаловой. Дальнейшее развитие «парашин сюжет» получил в повестях Е. А. Салиаса «Ваня» (1896) и Л. А. Чарской «Сибирочка» (1910). Радикальные изменения общественно-политических реалий, произошедшие в России в первой четверти XX в., видимо, деактуализировали «парашин сюжет»: в 1930-е гг. ему на смену пришли истории о героях нового времени.

Несмотря на то что источником «парашиного сюжета» является исторический факт, сам сюжет быстро мифологизируется. Переходя из произведения в произведение, он легко принимает в себя черты разных литературных жанров: сказки, жития, повести, романа. На уровне архетипов «парашин сюжет» предлагает новую ролевую модель активно действующей героини и дополняет ряд популярных ролевых сюжетов (героиня-правительница, героиня-воительница).

Ключевые слова

Параша Лупалова, парашин сюжет, де Местр, Н. А. Полевой, Е. А. Салиас, «Ваня», Марьяша-Сибирячка, Л. А. Чарская, «Сибирочка»

Для цитирования

Пуряева Н. Н. Сюжет о Параше Лупаловой в русской беллетристике XIX века // Сюжетология и сюжетография. 2025. № 3. С. 29–38. DOI 10.25205/2713-3133-2025-3-29-38

© Пуряева Н. Н., 2025

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетография. 2025. № 3. С. 29–38
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2025, no. 3, pp. 29–38

The Story of Parasha Lupalova in 19th Century Russian Fiction

Nadezhda N. Puryaeva

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

nadia_np@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9323-6850>

Abstract

In a little over a hundred years (from the beginning of the 19th to the beginning of the 20th century), the story of Parasha Lupalova served as a plot basis for at least fifteen literary and musical works. In this story a brave girl takes up a long dangerous journey from Siberia to the capital to plea for mercy for her convict father, and she succeeds. Our hypothesis is that “Parashia’s plot” based on the true story of Parasha Lupalova was formed and reproduced in Russian fiction of the 19th – early 20th centuries.

French authors were the first to use the plot in their works: Sophie Cotten in the novel “Elisabeth L*, or Unhappiness of the family exiled to Siberia and then returned: The true occurrence” (1806) and Xavier de Maistre in the story “A young Siberian: A true incident” (1825). The development of the “Russian” branch of “Parasha’s plot” began much later, with the play “Parasha Sibiryachka” by Nikolay Polevoy (1840). Around the 1870–1890s, Parasha Lupalova was the subject of at least four anonymous popular print stories. “Parashia’s plot” was further developed in Eugene Salias’s “Vania” (1896) and Lydia Charskaya’s “Sibirochka” (1910). The radical changes in socio-political realities that occurred in Russia in the first quarter of the 20th century apparently made “Parasha’s plot” irrelevant: in the 1930s it was replaced by stories about heroes of the new era.

Although “Parasha’s plot” originates in a historical fact, the plot itself quickly became mythologized. Passing from text to text, it easily adopts features of different literary genres: fairy tales, hagiographies, stories, and novels. “Parashia’s plot” offers a new archetype – an active heroine – and joins the list of female types and role models (female ruler, female warrior).

Keywords

Parasha Lupalova, “Parasha’s plot”, Xavier de Maistre, Nikolay Polevoy, Eugene Salias, “Vanya”, Maryasha-Siberian, Lidya Charskaya, “Sibirochka”

For citation

Puryaeva N. N. The Story of Parasha Lupalova in 19th Century Russian Fiction. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2025, no. 3, pp. 29–38. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2025-3-29-38

Источником сюжета послужили сообщения о выдающемся поступке Параши Лупаловой, опубликованные в «Санкт Петербургских ведомостях» (декабрь 1804 г.) и «Северном вестнике» (январь 1805 г.): дочь отставного прапорщика Григория Лупалова, сосланного в Ишимский округ в Сибири, пешком дошла до Петербурга, чтобы просить императора о милости к своему отцу. Путешествие заняло год и вопреки всем трудностям увенчалось успехом: высочайшим указом Лупалов был помилован.

Новость была перепечатана во французских газетах, что, видимо, вдохновило французскую писательницу Софи Коттен на создание первой художественной обработки истории Параши – романа «Елизавета, или Сосланные в Сибирь» (1806). Газетные публикации были крайне скупы в том, что касалось деталей пу-

тешества (сообщалось лишь о переправе через реку и помощи, которую юной страннице оказывали добрые люди), поэтому большинство описанных в романе Коттен событий – плод ее художественной фантазии¹. Однако именно в ее романе закладываются сюжетные элементы, которые затем становятся неотъемлемой частью сюжета (переправа через реку, встреча с разбойниками, встречи с героями-помощниками), и вектор путешествия героини (с периферии империи в ее центр). Коттен не только меняет имя главной героини на Елизавету, но и дополняет сюжетную линию травелога второй сюжетной линией – любовной. Таким образом, жанр произведения – «чувствительный роман» с сильной авантюрно-приключенческой составляющей.

В 1825 г. к истории Параше обратился другой французский автор Ксавье де Местр, написав повесть «Молодая Сибирячка». Побудительной причиной послужило, видимо, стремление представить объективное изложение истории Параше. Как отмечал сам Местр в предисловии к повести, Коттен «приписала <героине> романические похождения» (Местр Ксаверий, 1840, с. 6). По воспоминаниям его племянника, де Местр был лично знаком с Лупаловой², таким образом, имел возможность узнать все детали из первых уст. Отметим, что описанные де Местром факты и обстоятельства совпадают также с другими письменными источниками о Лупаловой начала XIX в.³ В повести де Местра нет эпизодов с пастором, разбойниками, несколько меняется маршрут путешествия героини.

Повесть имеет ту же фабулу, что и у Коттен: миссия восстановления справедливости, испытания героини в пути, герои-помощники (г-жа Милина, фрейлины при императорском дворе, множество второстепенных персонажей), торжество справедливости в финале. В отличие от Коттен, де Местр не вводит дополнительную любовную или авантурную линию, однако в его повести основная сюжетная линия, связанная с главной героиней, как бы расслаивается на две: «земную» (этнографические описания и галерея психологических портретов персонажей, которых встречает главная героиня) и «духовную» (миссия героини). Повесть имеет некоторые черты агиографии.

Тексты Коттен и де Местра достаточно часто переиздавались в первой половине XIX в.: перевод романа Коттен вышел в 1807 г., а затем переиздавался в 1808, 1810, 1818, 1824 гг.; перевод повести де Местра появился в 1840 г., однако после этого повесть несколько раз издавалась и на французском языке – в качестве пособия по чтению с комментариями. Возможно, этим обстоятельством объясняется запоздалое развитие «отечественной» ветви «парашиного сюжета»: первым русским писателем, обратившимся к нему, стал Н. А. Полевой в пьесе «Параша Сибирячка» (1840).

Полевой переводит «парашин сюжет» в область драматургии, что неизбежно влечет сжатие пространства действия. Сюжетная линия травелога опущена, и со-

¹ Выстраивая сюжет, писательница нередко использовала сюжетные клише, что порой приводило к нелепостям. Так, одним из помощников героини является испанский миссионер, возвращающийся на родину после 60 лет проповеднической деятельности в Сибири.

² Видимо, знакомство произошло через жену де Местра, в девичестве С. И. Загряжскую, принимавшую личное участие в судьбе девушки.

³ Имеем в виду публикации о ней в журналах «Друг просвещения» (1805, ч. 2) и «Сионский вестник» (1806, ч. 1), а также очерк в «Русской истории» С. Н. Глинки (1818).

бытия разворачиваются в двух локусах – отправной и финальной точках путешествия. Отметим, что подобная модификация возможна потому, что «парашин сюжет» уже настолько сложился и хорошо знаком зрителю / читателю, что часть его можно опустить, не нарушив при этом целостность фабулы. Развитие действия в пьесе очень условно, поскольку в ней отсутствует драматургический конфликт, представляющий собой противостояние антагонистов. Идея пьесы – показать восстановление справедливости, осуществляемое просвещенным монархом, – актуальная для эпохи классицизма и в 1840-е гг. выглядевшая весьма архаично, объяснялась скорее личными обстоятельствами автора, нежели его художественными поисками⁴. Примечателен жанр, которым Полевой обозначает свое произведение – «русская быль».

В рассмотренных выше литературных произведениях 1800-х – 1840-х гг. складывается сюжетная модель, имеющая устойчивый комплекс фабульно-сюжетных мотивов: зафиксированная географическая локализация (путешествие из Сибири в Москву / Петербург), простая героиня, ее особая миссия (восстановить справедливость), постоянные сюжетные компоненты (эпизод с разбойниками, встреча с героем-помощником, обязательное торжество справедливости в финале (монарх дарует милость)). Всё это позволяет говорить о формировании устойчивого сюжета о Параше Лупаловой («парашинового сюжета»). При сходстве фабулы в каждом из рассмотренных произведений проявлялась своя смысловая модальность: авантюристичность и сказочность у Коттен, черты агиографического жанра у де Местра, презумпция монаршей справедливости у Полевого.

Дидактический потенциал «парашинового сюжета» и успех пьесы Н. А. Полевого способствовали его востребованности в беллетристике последней четверти XIX – начала XX в. Пьеса регулярно ставилась в столичных и провинциальных театрах, пользуясь особой популярностью у детской аудитории, благодаря чему прочно вошла в круг «детских» сюжетов⁵. Таким образом, к третьей четверти XIX в. «парашин сюжет» стал прецедентным в том смысле, что он воплощал образец нравственного подвига дочерней любви.

Примерно в 1870–1890-е гг. появилось по крайней мере четыре анонимных лубочных повести на этот сюжет: «Параша-Сибирячка. Историческая повесть» (Киев, издательство Т. А. Губанова) (далее – вариант 1); «Параша-Сибирячка, или Несчастный “Ох!”», а за несчастного – Бог. Русская народная историческая былина из времен царствования императора Александра I-го» (Москва, издательство Е. А. Губанова) (далее – вариант 2); «Параша-Сибирячка, или До Бога высоко, а до царя далеко. Историческая русская былина из времен царствования императора Александра I» (Москва, издательство А. и В. Абрамовых) (далее – вариант 3);

⁴ Любопытную гипотезу о причине обращения Полевого к данному сюжету высказывает А. С. Федотов. Особенностью пьесы, по мнению исследователя, было то, что она адресована «не только широкой публике, но и вполне конкретному зрителю – императору Николаю I» [Федотов, 2019, с. 244], поскольку основной задачей автора было «обрести необходимое расположение властей, реанимировать собственную литературную карьеру, выбиться из числа проклятых и опальных литераторов» [Там же, с. 247]. Впрочем, как констатирует исследователь, попытка оказалась неудачной.

⁵ Подтверждение тому находим, например, в романе Е. А. Тур «Княжна Дубовина» (1886). Для главной героини романа, юной княжны Анны, Параша – безусловный нравственный ориентир в ее собственных жизненных перипетиях.

«Параша Сибирячка. Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой» (Москва, т-во И. Д. Сытина) (далее – вариант 4) ⁶.

Пользуясь классификацией Р. Г. Назирова [1995], в отношении варианта 1 можно говорить о свободном переложении (парафразе) и сокращении фабулы (редукции), а также о включении в нее новых элементов (инклюзии). Еще одна черта модификации фабулы – изменение места действия и его менее конкретная временная привязка. В целом в варианте 1 по сравнению с «парашиным сюжетом» в том виде, в котором он сложился в первой половине XIX в., наблюдается довольно заметная деформация сюжетного кода, а дидактическая тональность текста становится менее выраженной, чем в произведениях первого периода.

Варианты 2 и 3 тесно связаны между собой на уровне текста, так что последний можно рассматривать как расширенный, литературно доработанный текст варианта 2: он больше по объему, структурирован (разделен на 5 глав), дополнен внесюжетными элементами (каждой главе предпослан эпиграф, в начале текста помещено авторское отступление, посвященное Сибири).

В целом оба варианта более точно воспроизводят «парашин сюжет» в том виде, в котором он сложился в первой половине XIX в., при этом имеют явную установку на фактографическую достоверность, а стиль повествования приближается к публицистическому.

Особняком стоит вариант 4, сюжет которого представляет собой контаминацию с фабулой романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Соединение именно с этим сюжетом не кажется случайным на фоне отмечавшегося исследователями сюжетного влияния повести де Местра «Молодая Сибирячка» на роман А. С. Пушкина ⁷. В целом вариант 4 является, видимо, самым поздним и представляет собой уже переосмысленную версию «парашиного сюжета». В нем намечается иной вектор развития сюжета: к последней четверти XIX в. «парашин сюжет» уже осознавался как прецедентный, и его дальнейшее развитие двинулось в сторону слияния с другими литературными сюжетами, в данном случае устоявшаяся фабула «парашиного сюжета» соединилась с другой устоявшейся фабулой – «Капитанской дочки». Дидактический пафос варианта 4 значительно снижен, а повествование имеет в значительной степени авантюрно-развлекательный характер.

Таким образом, особенностью второго периода развития «парашиного сюжета» является тенденция к его деформации как на уровне сюжетных элементов, так и на уровне идейного содержания. Этот вектор стал определяющим в его дальнейшем развитии в авторских текстах массовой литературы конца XIX – начала XX в. – произведениях Е. А. Салиаса и Л. А. Чарской.

Повесть «Ваня» Е. А. Салиаса ⁸, сына известной писательницы Е. А. Тур, публиковалась на страницах еженедельного иллюстрированного журнала «Родина» в течение 1896 г., а затем вышла отдельным изданием (1904). То обстоятельство, что повесть была задумана как журнальный проект, весьма распространенный

⁶ Подробнее об этом см.: [Пуряева, 2022а; 2024].

⁷ См. об этом: [Федорова, 2013]. См. также: Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-godi.shtml (дата обращения 08.04.2021).

⁸ Подробнее об этом см.: [Пуряева, 2023].

формат во второй половине XIX в., а значит, создавалась и публиковалась частями, во многом объясняет подвижность и насыщенность ее фабулы. Кроме того, обращаясь к известному сюжету, писатель не имел нужды излагать каноническую версию истории Параши, что располагало к созданию ее ремейка. Важную роль играла и творческая манера писателя, признававшегося, что он обычно не имел плана произведения и писал по вдохновению.

Салиас в значительной степени меняет мотивировку сюжета (главная героиня отправляется на поиски нареченного жениха), изменено имя героини (Маремьяна Андреевна Грезкина (Маряша)), при этом сохраняется идея путешествия с периферии в центр (автор даже усиливает их противопоставление: Владивосток – Петербург) и воспроизводятся некоторые сюжетные элементы: встреча с разбойниками, эпизод на реке. В повести содержится прямая отсылка к «парашиному сюжету»: «Один знакомый Чабановых прозвал ее <главную героиню. – Н. П.> даже Маряшей-Сибирячкой и объяснил, что сто лет назад была девушка, по имени Параша, которая также явилась из глубины Сибири в Петербург и которую прозвали Парашей-Сибирячкой» (Салиас, 1904, с. 65).

Идея повести заключается в том, что у каждого человека есть какая-то мечта, цель, которая дает ему силы преодолеть невероятные испытания, и история Параша Лупаловой служит тому примером. История о преданной дочери трансформируется в рассказ об активной, предприимчивой героине, т. е. фабула и смысл «парашиного сюжета» подвергаются существенному изменению.

Еще один вариант модификации «парашиного сюжета» представляет собой повесть Л. А. Чарской «Сибирочка» (1910)⁹. Сюжет также начинается с путешествия героини с периферии в столицу, однако мотивировкой является не осмысленная миссия (героиня слишком юна для этого), а выполнение наказа умирающего дедушки отыскать родственницу, которая о ней позаботится. При этом на глубинном уровне связь с исходным «парашиным» сюжетом сохраняется: цель героини в широком смысле – восстановить справедливость и воссоединиться с отцом, у которого она была похищена в младенчестве.

Писательница воспроизводит такие сюжетные элементы, как наличие героя-помощника, эпизод с разбойниками. Причем у Чарской этот эпизод развернут во второстепенную сюжетную линию, которая обеспечивает динамику действию. Элементы «парашиного сюжета» смешаны с другими сюжетными мотивами, например эпизод, напоминающий сказку братьев Grimm «Пряничный домик»: Сибирочка находит путь по шишкам, которые втыкала в снег.

Писательница называет свою героиню Александрой, но добавляет ей емкое прозвище – Сибирочка. С одной стороны, оно локализует героиню в географическом пространстве, с другой – подразумевает черты характера героини (силу и стойкость) и, наконец, аллюзивно связывает с историей Параша Лупаловой.

Развязка «парашиного сюжета», как правило, представляет собой сцену встречи героини с императором, т. е. идея торжества справедливости воплощается в фигуре дарующего милость монарха. Чарская сохраняет саму идею, однако отказывается от приема персонификации. Вместо этого она вводит в повествование сюжетную деталь, имеющую явную религиозную коннотацию, – нателный золотой крестик, благодаря которому в кульминационный момент происходит узнава-

⁹ Подробнее об этом см.: [Пуряева, 20226].

ние героини. Таким образом, в финале повести торжествует высшая, т. е. божественная, справедливость.

Повести Е. А. Салиаса и Л. А. Чарской можно отнести к позднему этапу бытования «парашиного сюжета», когда фабула и смысл подверглись существенному изменению, по сути, *ремейку*. История о преданной дочери трансформируется в повествование об энергичной, деятельной героине в соответствии с изменившимися общественно-социальными условиями.

Подведем некоторые итоги. Несмотря на то что «парашин сюжет» имеет биографическую основу, он быстро мифологизируется, т. е. приобретает смыслы, выходящие за пределы фактографии. Он предлагает ролевую модель предприимчивой, энергичной героини и встает в ряд литературных архетипов (героиня-правительница, героиня-воительница), достаточно широко встречающихся в русской литературе второй половины XIX в.

Сюжет существует на периферии литературного поля – в беллетристике (массовой литературе) и лубочной литературе. Он легко принимает черты разных жанров: сказки, жития, повести, романа.

Сюжет проходит несколько этапов развития: становление, деформация, ремейк, при этом складываются устойчивые элементы сюжета, которые сохраняются даже при разрушении основной фабулы.

Становление и бытование сюжета приходится на XIX – начало XX в. Радикальные изменения общественно-политических реалий, произошедшие в России в первой четверти XX в., видимо, деактуализировали «парашин сюжет»: нам не удалось найти более поздних его примеров в русской литературе. В 1930-е гг. ему на смену пришли сюжеты о героях нового времени: Павлике Морозове, Вале Дыко и др.

Список литературы

Назирова Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул: Автореф. дис. на ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 1995. 46 с.

Пуряева Н. Н. Анонимные повести о Параше Сибирячке: к вопросу о сюжетном коде // Вестник Том. гос. пед. ун-та. 2022а. № 4 (222). С. 147–154.

Пуряева Н. Н. Об одном источнике сюжета повести Л. А. Чарской «Сибирочка» // Изв. УрФУ. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022б. Т. 28, № 1. С. 99–106.

Пуряева Н. Н. Ремейк сюжета о Параше Лупаловой в повести Е. А. Салиаса «Ваня» // Изв. Урал. гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29, № 3. С. 36–41.

Пуряева Н. Н. История Параша Лупаловой в произведениях первой половины XIX в.: формирование устойчивого сюжета // Отечественная филология. 2024. № 1. С. 114–124.

Тахо-Годи М. А. «Капитанская дочка» Пушкина и «Молодая сибирячка» Ксавье де Местра. URL: http://www.darial-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (дата обращения 08.04.2021).

Федорова А. В. Капитанская дочка Прасковья Лупалова // Портретная галерея повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Четвертые научные Пушкинские чтения. Оренбург: Оренбургский государственный аграрный университет, Науч-

но-исследовательский центр истории и культуры народов Южного Урала, Историко-литературный музей «Капитанская дочка», 2013. С. 75–81.

Федотов А. С. От зрителя к зрителям: формы капитализации труда драматурга в первой половине XIX века (на примере пьес А. Коцебу «Лейб-кучер Петра III» и Н. А. Полевого «Параша Сибирячка») // *Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies*. 2019. Т. 8, № 2. С. 25–45.

Список источников

[Коттен С.] Елисавета Л*, или Нещастия семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного: Истинное происшествие. Соч. г-жи Готтен. М.: В Университетской типографии, 1807. 93 с.

Местр Ксаверий. Молодая сибирячка: Истинное происшествие / Пер. с фр. А. Попова. СПб.: Тип. К. Крайя, 1840. 141 с.

Параша-Сибирячка: Историческая повесть. Киев: Т. А. Губанов, 1899. 108 с.

Параша-Сибирячка, или Несчастный «Ох!», а за несчастного – Бог: Русская народная историческая былина из времен царствования императора Александра I-го. М.: Издание книгопродавца Е. А. Губанова, 1893. 35 с.

Параша-Сибирячка, или До Бога высоко, а до царя далеко: Историческая русская былина из времен царствования императора Александра I. М.: Издание книгопродавцев А. и В. Абрамовых, 1882. 38 с.

Параша Сибирячка: Роман в четырех частях из времен Екатерины Великой. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1896. 216 с.

Полевой Н. А. Параша Сибирячка: Русская быль // Драматические сочинения и переводы Н. А. Полевого: [В 4 ч.]. СПб.: В типографии Н. Греча, 1842. Ч. 1. С. 145–236.

Салиас Е. А. Ваня. М.: Издание А. А. Петровича, 1904. 78 с.

Чарская Л. А. Сибирочка: Повесть. М.: Дет. лит., 1991. 416 с.

References

Nazirov R. G. Traditsii Pushkina i Gogolya v russkoi proze. Sravnitel'naya istoriya fabul [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian prose. Comparative history of plots]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Ekaterinburg, 1995, 46 p. (in Russ.)

Puryaeva N. N. Ob odnom istochnike syuzheta povesti L. A. Charskoi "Sibirochka". *Izvestiya UrFU. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [URFU Journal. Series 1. Problems of Education, Science and Culture], 2022, vol. 28, no. 1, pp. 99–106. (in Russ.)

Puryaeva N. N. Anonimnye povesti o Parashe Sibiryachke: k voprosu o syuzhetnom kode. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2022, no. 4 (222), pp. 147–154. (in Russ.)

Puryaeva N. N. Remeik syuzheta o Parashe Lupalovoi v povesti E. A. Saliasa "Vanya". *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [URFU Journal. Series 1: Problems of Education, Science and Culture], 2023, vol. 29, no. 3, pp. 36–41. (in Russ.)

Puryaeva N. N. Istoriya Parashi Lupalovoi v proizvedeniyakh pervoi poloviny XIX v.: formirovanie ustoichivogo syuzheta [The story of Parasha Lupalova in the

works of the first half of the 19th century: the formation of a stable plot]. *Otechestvennaya filologiya* [Russian Studies in Philology], 2024, no. 1, pp. 114–124. (in Russ.)

Takho-Godi M. A. “Kapitanskaya dochka” Pushkina i “Molodaya sibiryachka” Ksav’e de Mestra [“The Captain’s Daughter” by Pushkin and “The Young Siberian Woman” by Xavier de Maistre]. (in Russ.) URL: http://www.darjal-online.ru/2004_4/taho-god.shtml (accessed 08.04.2021).

Fedotov A. S. Ot zritelya k zritelyam: formy kapitalizatsii truda dramaturga v pervoi polovine XIX veka (na primere p’es A. Kotsebu “Leib-kucher Petra III” i N. A. Polevogo “Parasha Sibiryachka”). *Slověne = Словѣне* [The Slavs], *International Journal of Slavic Studies*, 2019, vol. 8, no. 2, pp. 25–45. (in Russ.)

Fedorova A. V. Kapitanskaya dochka Praskov’ya Lupalova. Chetvertye nauchnye Pushkinskie chteniya [Portrait gallery of A. S. Pushkin’s novel “The Captain’s Daughter”. Fourth Scientific Pushkin Readings]. Orenburg, Orenburg State Agrarian University, Research Center for the History and Culture of the Peoples of the Southern Urals, Historical and Literary Museum “The Captain’s Daughter”, 2013, pp. 75–81. (in Russ.)

List of Sources

Charskaya L. A. Sibirochka: Povest’ [Sibirochka, a Tale]. Moscow, Children’s Literature Publ., 1991, 416 p. (in Russ.)

Cotton S. Elisaveta L*, ili Neschastiya semeistva, soslannogo v Sibir’ i potom vozvrashchennogo: Istinnoe proisshestvie [Elisabeth L*, or Unhappiness of the family exiled to Siberia and then returned, the True Occurrence]. Moscow, Moscow Uni. Press, 1807, 93 p. (in Russ.)

Ksaveriy Mestr. Molodaya sibiryachka: Istinnoe proisshestvie [A Young Siberian, a true incident]. Transl. from French by A. Popov. St. Petersburg, K. Kray Publ., 1840, 141 p. (in Russ.)

Parasha Sibiryachka: Roman v chetyrekh chastyakh iz vremen Ekateriny Velikoi [Parasha The Siberian: A novel in four parts from the time of Catherine the Great]. Moscow, I. D. Sytin Publ., 1896, 216 p. (in Russ.)

Parasha-Sibiryachka, ili Do Boga vysoko, a do tsarya daleko: Istoricheskaya russkaya bylina iz vremen tsarstvovaniya imperatora Alekandra I [Parasha The Siberian, or High to God, and far from the Tsar: Historical Russian epic from the reign of Emperor Alexander I]. Moscow, Booksellers A. and V. Abramov Publ., 1882, 38 p. (in Russ.)

Parasha-Sibiryachka, ili Neschastnyi “Oh!”, a za neschastnogo – Bog: Russkaya narodnaya istoricheskaya bylina iz vremen tsarstvovaniya imperatora Aleksandra I-go [Parasha The Siberian, or Unfortunate – “Oh!”, And for the unfortunate – God, Russian folk historical epic from the reign of Emperor Alexander I]. Moscow, Bookseller E. A. Gubanov Publ., 1893, 35 p. (in Russ.)

Parasha-Sibiryachka: Istoricheskaya povest’ [Parasha The Siberian, Historical Case]. Kyev, T. A. Gubanov Publ., 1899, 108 p. (in Russ.)

Polevoy N. A. Parasha Sibiryachka. Dramaticheskie sochineniya i perevody N. A. Polevogo [Dramatic works and translations of N. A. Polevoi]. In 4 parts. St. Petersburg, N. Gretch Publ., 1842, pt. 1, 436 p. (in Russ.)

Salias E. A. Vanya. Moscow, A. A. Petrovitch Publ., 1904, 78 p. (in Russ.)

Сюжет, мотив, жанр в литературе и фольклоре

Информация об авторе

Надежда Николаевна Пуряева, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Nadezhda N. Puriaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 20.05.2025;
одобрена после рецензирования 12.07.2025; принята к публикации 12.07.2025
The article was submitted on 20.05.2025;
approved after reviewing on 12.07.2025; accepted for publication on 12.07.2025*